

みんなのデジタルリポジトリ

国立民族学博物館学術情報リポジトリ National Museum of Ethnology

Путевые заметки по Хангаю и Гоби зимой 1937 года

メタデータ	言語: rus 出版者: 公開日: 2018-02-20 キーワード (Ja): キーワード (En): 作成者: А.Д., С и м у к о в メールアドレス: 所属:
URL	https://doi.org/10.15021/00008790

А.Симуков

Путевые заметки по Хангаю и Гоби зимой 1937 года

Не имея возможности использовать для полевой работы летний сезон истекшего 1937 года, я выехал в степь лишь в первых числах ноября.

4-го ноября небольшая экспедиция, состоявшая из нескольких сотрудников Ученого Комитета МНР, выехала из Уланбатора на запад. Поздняя осень встретила нас в первую же ночь пургой. Наметив для начала своей работы район Ара-Хангая, мы довольно быстро добрались до Цэцэрлига, выполнив попутно одно поручение Ученого комитета в Шанха сумуне указанного аймага.

Первая остановка была намечена в Ихэ тамир сумуне Ара-Хангая. В числе вопросов, подлежащих изучению, я поставил себе целью выяснение района кочевков ряда хозяйств за длительный промежуток времени. Результаты оказались хотя и не неожиданными, но очень интересными. Взятые наудачу хозяйства, как оказалось, *десятками лет* не покидают свой, довольно определенный, кочевой участок, временно укочевывая с него только под давлением особых обстоятельств, не связанных с кочевым хозяйством. Таким образом, гипертрофические представления о монгольских кочевках, как некоем беспредметном блуждании в пространстве, еще раз оказываются несостоятельными, и "адрес" того или иного хозяйства остается неизменным годами. Иначе, почти всегда можно наверняка указать район (и для Хангая довольно узкий), где в данный момент кочует та или иная семья.

Поломка автомашины задержала нас почти на две недели в высокогорном районе истоков р. Чулуту, близ перевала Эгин даба. Здесь стояла уже настоящая зима с крепкими морозами. Мы жили в большом хотоне, разнообразя свое времяпрепровождение разъездами по окрестностям и вплотную знакомясь с повседневной жизнью хотона.

Этот район любопытен тем, что население его в отношении транспорта лишь недавно перешло от вьючных быков (исключительно сарлоков и яков) к телегам, причем еще не полностью овладело техникой изготовления последних. Телег мало и они плохи. Таким образом, здесь даже примитивная монгольская телега является прогрессом недавнего времени. Этому отчасти

способствовали специфические условия высокогорного района, сплошь заваленного моренными отложениями древних, ныне исчезнувших, ледников.

Длинные зимние вечера мы коротали, слушая были и сказки, которые рассказывал морщинистый высокий старик из соседней юрты. Лучшие сказки в стихах были записаны.

Наконец, в самых последних числах ноября мы получили возможность исправить машину и двинулись в дальнейший путь, в первый же день перевалив Эгин даба.

Южные склоны Хангайского хребта оказались совершенно свободными от снега, и желтый колорит ландшафта напоминал осень. Мы ехали на юго-запад, пересекая южную окраину Хангайской горной страны. Размашистые степные долины, желтевшие ковылем, сменялись невысокими грядами гор и холмов. В отличие от северного склона Хангая резко бросалось в глаза полное отсутствие навесов (хашанов) для скота на встречающихся зимниках. Лес в этом районе отсутствует совершенно.

Проехав за день около 100 км от поселка Цзаг, мы спустились почти до Гоби и заночевали поблизости от монастырька Дархиин-чжиса. С ближайших холмов развернулась широкая панорама далеких хребтов Монгольского Алтая, освещенная заходящим солнцем.

В монастырьке мы купили немного цзамбы – муки из поджаренного зерна местного производства. В этом районе, на речках и ключах южной границы Хангайской горной страны, там где она переходит в равнину Гобийской Центральной впадины, существует ряд небольших земледельческих оазисов. Мне были известны два из них – на р.р. Байдараг и Тациин гол. Теперь к этому списку прибавились оазисы на ключах Буянту гол, Улцзэйту-гол и Баян.

Земледелием занимаются исключительно монголы. Сеют голосемянный ячмень (арбай), причем урожай доходит до сам – десят. Пашут, вернее запахивают семена, китайским плугом. Пашни все поливные. Срок вегетации ячменя считают в 120 суток. В Дархиин-чжисе мы обратили внимание на амбары окрестного населения, сложенные из дикого камня и глины. Дерево употребляется лишь на двери и стропила (крыша глинобитная). Несомненно, что этот же материал можно применить здесь и для постройки хашанов на зимниках.

Повернув на запад, мы вскоре доехали до соленого озера Борбай нур. Оно оказалось на дне небольшой замкнутой котловины, среди пологих холмов и увалов, и имело вид обычного в Гоби тойрима, т.е. глинистого dna временной лужи (или озерка), образующейся после летних дождей.

На озере работали люди. На берегу были видны: майхан, обохай

(войлочный шалаш) и несколько верблюдов. Мы пошли к работающим по протоптанной в мягкой соленой глине тропе. Тропа вьется между ямами с незамерзшим соляным раствором. Эти ямы – следы добывания соли, которое здесь весьма примитивно. В глине выкапывается ямка (слой глины не превышает полуметра), появляется соляной раствор, а ниже идет соль, которую долбят пешней и вычерпывают черпаком. Соль кристаллическая, сероватого цвета. Пласт этой соли в озере неравномерен. Копщики говорят, что местами он достигает 2-х метров, местами же сходит на нет. Примерный подсчет количества соли в озере дает цифру в 100-150 тыс. тонн.

Расспросы в аиле по соседству от озера показали, что радиус кочевков местного населения невелик и не превышает 20-30 км. Далеко кочующих вовсе нет. Таким образом, сюда не распространяется выделенный мной ранее “убурхангайский тип кочевков”, характеризующийся очень большим (до 200 км) радиусом.

От Борбай нура мы повернули на юго-восток, к Гобийскому Алтаю, и вскоре уже ехали по равнине Центральной впадины, покрытой редкой гобийской растительностью. К сожалению, день был пасмурный, вокруг нависли низкие облака, и мы были лишены возможности рассмотреть в деталях скрытую туманом панораму хребтов Гобийского Алтая.

Через некоторое время впереди показались хуланы (дикие ослы). Вначале их было три, затем за небольшим увалом оказалось стадо голов в 200, а затем мы увидели еще несколько косяков. Всего хуланов в поле нашего зрения было не менее тысячи голов.

На этой гладкой равнине наш тяжело нагруженный “ГАЗ” шел без дороги со скоростью 40-50 км в час.

Вскоре, восточнее пути, забелело озеро Бон-цаган-нур, а впереди открылось подножье окутанной облаками горной цепи Аргалинту (Гобийский Алтай).

На следующий день мы пробрались красивым ущельем-прорывом на южный склон хребта Хара аргалинту и стали на дневку с целью подробно осмотреть горы. Утомительная экскурсия по скалистым высоким горам с узкими ущельями заняла целый день. Погода стояла теплая, заметно грело солнце. Экскурсия показала наличие в этих горах большого количества горных козлов; в верхнем поясе встречена горная индейка (хойлик) и отмечены тарбаганьи норы. Кроме того, мы видели свежие следы барса. Корма были очень хороши, но воды в горах Хара аргалинту маловато. Наличие в верхнем поясе гор элементов ковыльной степи, затем тарбагана и хойлика указывает на их значительную высоту.

После этой стоянки мы тронулись дальше на юг, по долинам между

хребтами Гобийского Алтая, проехав мимо хребтов Баян цаган, Цэцэн хайрхан, Бахар. Работа по пути заключалась в географических наблюдениях и регистрации состава пастбищ. Кроме того, мы брали четырехметровые укосные площадки для определения кормовой массы пастбищ в зимнее время. Встречаемое население опрашивали о кочевках.

На высокой степи, близ Унта ногон нура были снова в значительном количестве встречены хулань. Снегу не было, и погода держалась теплая. Кроме нескольких стад хуланов, по степи виднелись табунки цэрэнов обоих видов: белых степных и чернохвостых гобийских. Вечером второго дня, после выезда из гор Хара аргалинту, мы остановились в русле с ключом Сухонту, прорывающему одну из гряд Гобийского Алтая между горами Бай баян ундур и Цзала чжинсэту, неподалеку от бывшего монастыря Амур-буянтин-хурэ (Юм бэйсэ).

Утром, выехав из гор на равнину Чжинсэтуин хоолай, мы повернули на юго-восток по направлению к горе Алтан ула. Здесь начался ненаселенный район. На юг, к далеким горам Цаган богда, уходила понижающаяся пустыня, пересеченная мелкими хребтиками и низким валом хребта Эдэрэнгийн нуру. На равнине Чжинсэтуин хоолай мы снова увидели несколько небольших табунков хуланов. Гладкая степь быстро привела нас к пустынным холмам окрестностей урочища Баян булаг, где на одном из ключей мы и заночевали. Растительность резко изменилась: началась типичная для Западной Гоби кустарниковая степь.

В районе ключа мы отметили встреченную впервые на нашем пути заросль крупного саксаула, затем отдельные бугры с тамариском, густые поросли дэрисуна и поросли крупной деревянистой бударганы всех трех видов.

Далее пошел спуск в глубокую пустынную долину Цзун модони-хоолай. Дорога пересекала поросшие редким саксаулом ложбины с обрывистыми краями и бесплодные плоские террасы между ними. Перед нами развернулся широкий горизонт. Впереди виднелась покрытая снегом “Золотая гора” (Алтан ула), правее дороги равнина уходила к глубокой впадине Ингэни хобурин гоби, за которой синел низкий кряж г. Онгон улан, а еще дальше чуть рисовался в зимней мгле остроконечный силуэт высокой горы Цаган богда.

Перед закатом солнца мы спустились ко дну долины и остановились в оазисе Цзун модо, приютившемся у южного подножья небольшой гряды высоких песчаных барханов, поросших саксаулом и тамариском. Оазис состоит из густых зарослей тамариска, небольшой площадки камыша и роши (деревьев 200-300) тоороев, т.е. пустынных или евфратских тополей. У деревьев вполне здоровый вид, есть и молодая поросль. Наружной воды

нет – колодец обвалился. Как я уже указывал в своих прежних очерках, подобные оазисы типичны для Западной Гоби.

Было очень тепло. На утренней заре термометр показывал едва 8-9 градусов холода. По тамариску летали мелкие птички, под саксаулом полетному бегали и свистели крупные песчанки. Снегу не было и в помине. Утром, после небольшой экскурсии, мы двинулись дальше и через 30 км достигли урочища Цзулуганай – одного из самых крупных оазисов Западной Гоби. Здесь мы простояли три дня.

Оазис расположен у небольшого ручья, текущего по значительному руслу, сжатому высокой обрывистой террасой с севера и сыпучими песками – с юга. Благодаря влаге, по закраинам русла развилась хорошая растительность, в то время как окрестная пустыня почти бесплодна.

Мы нашли здесь значительные поросли густого камыша, достигающего пятиметровой высоты, роши тоороев (пустынных тополей), большие поросли солодки и с полсотни деревьев чжигды (*Eleagnus hortensis*). Это дерево, дающее массу мелких съедобных косточковых плодов, широко распространено в оазисах южной зарубежной части Гоби, провинции Ганьсу и Синьцзяне. В пределах же МНР Цзулуганай – единственное место, где число чжигды равно нескольким десяткам экземпляров. Кроме этого места, мне известны лишь несколько отдельных экземпляров в оазисах района Хубдун оботу, к югу от Цзулуганая. В будущем, при проведении широких работ по изменению Гоби, это дерево необходимо учесть и культивировать.

Любопытнее всего были явственные и свежие следы четырех (!) диких свиней, пришедших откуда-то с запада и обосновавшихся в этом оазисе года три тому назад. Вообще, по всем признакам, зоологическая экскурсия в этот оазис летом дала бы очень много интересного.

Оазис делится на две части, разделенные бесплодным пространством в несколько километров (вода временно уходит в землю). Верхняя часть богаче и характерна камышом и чжигдой, а нижняя – большим количеством тополей.

Лопнувшая рама автомобиля не дала нам возможности сделать разъезд к горе Онгон улан, где предполагался осмотр заброшенного золотого прииска времен манчжурского владычества. Поэтому мы повернули на восток. Путь стал тяжелее, особенно близ подножья г. Алтан ула, где широкой полосой прошел снег, сдутый затем ветром к кустам и в ложбины. Каменистая поверхность и бесконечные рытвины, забитые снегом, сильно задерживали движение вперед. На второй день пути мы стали лагерем у подножья Алтан-улы.

Четверо суток, ушедших на починку рамы, были употреблены на

экскурсии. Следует указать, что на Алтан-уле (как и на ее западном продолжении – гряде Нарин хара) не был еще ни один географ, и в литературе эти горы совершенно не освещены. Путем наших экскурсий было выяснено общее строение массива, характер его склонов, растительность и животный мир.

Район этой горы, за исключением западной оконечности, почти безводен. Население отсутствует. Типичные гобийские растения поднимаются до самой вершины. Склоны массива круты и скалисты, ущелья завалены обломками. Несмотря на гобийскую растительность, гребень массива посещают горные индейки, перелетающие с соседнего к востоку, значительно более высокого хребта Нэмэгэту. Из фауны чаще всего можно встретить горного козла. В песчаниковых оврагах восточной части подножья можно найти остатки ископаемой фауны.

Старые разработки золота, по которым гора получила свое название (“Золотая гора”), находятся в крайней северо-восточной ее части, у колодца Алтан хацабчи. Туда мы также не смогли попасть, т.к. именно район перевала Хутуль усу был сплошь укрыт толстой пеленой снега.

После починки машины и ознакомления с Алтан-улой, мы продолжили движение на восток.

Сыпучие пески долины Даациин хоолай миновали благополучно, но дальше отвердевший от ветра снег снова сильно задержал нас, заставив прокапывать каждую ложбинку. В день мы не могли сделать более 20-40 км. Наконец, снежная полоса кончилась, и вскоре мы увидели на дне той же долины несколько больших барханов сыпучего песка. Это было урочище Тэсхиин барун гол, которое также предстояло осмотреть. Спустившись к нему по хорошей степи, наш автомобиль прошел сквозь густую чащу саксаула и остановился у колодца. Экскурсия следующего дня выяснила характер урочища и познакомила с его обитателями. Людей мы не видели уже 12 дней.

Тэсхиин барун гол – типичный гобийский оазис (“гол гацзар”). Несмотря на слово “гол”, т.е. “речка”, ключи в нем отсутствуют, и население пользуется колодцами. Именем “голгацзар” гобийцы обозначают места с близкой подпочвенной водой, иногда выступающей наружу в виде ключей, и относительно богатой растительностью, среди которой обычно занимает большое место дэрисун.

На этой стоянке выяснилось, что ехать в соседний оазис Тэсхиин думда гол для осмотра месторождения соли не стоит, т.к. сильные дожди прошлого лета размыли степь и залили водой самое месторождение. Поэтому мы ограничились детальными расспросами. Выяснилось, что характер этого месторождения сходен с таковым Борбай нура. Разница

лишь в масштабах: запасы соли в Тэсхиин думда голе, вероятно, близки к 1-1,5 миллионам тонн. Качество соли, по рассказам, очень хорошее. Это месторождение по своим размерам, безусловно, заслуживает внимания.

Таким образом, в западной половине МНР известны теперь пять значительных месторождений поваренной соли: Цабданг нур (на стыке Хубсугульского, Убсунурского и Цзабханского аймаков), Борбай нур, Баян цаган (Ара-Хангай, между реками Байдараг и Угаин гол), Холбольчи (Убур-Хангай, у низовьев р. Туйин гол) и Тэсхиин думда гол.

Осмотром оазиса Тэсхиин думда гол экспедиция закончила свою работу. Декабрь приближался к концу и надо было торопиться в Уланбатор, чтобы участвовать в работе II-го пленума Ученого Комитета.

Зимние условия, несомненно, отрицательно повлияли на работу экспедиции в отношении ее объема. Тем не менее, был выяснен ряд интересных вопросов. По линии географии страны был важен маршрут от Цзага через Борбай нур и г. Хара аргалинту до г. Бахар, затем участок от Цзулуганая до Тэсхиин барун гола с осмотром Алтан-улы, т.к. в литературе по этим участкам никаких материалов нет.

Особое внимание было уделено растительности (пастбищам). По всей гобийской части маршрута велись наблюдения и запись состава растительности, собирались укосные площадки для определения выхода кормовой массы в зимних условиях и делались зарисовки метровых квадратов для определения степени густоты растительности и характера ее распределения.

Детально изучены оазисы (Баян булаг, Цзун модо, Цзулуганай, Тэсхиин барун гол). По всему маршруту велись расспросы о кочевках, а в гобийской его части делались, кроме того, зарисовки зимних стоянок, встречаемых на пути. В Хангае собран материал о методах ведения скотоводческого хозяйства и по охотничье-промысловой фауне. Кроме того, сделано много новых мелких наблюдений по различным вопросам природы и хозяйства страны.

Особое внимание, уделенное оазисам, было вызвано постановкой проблемы организации МСС в Гоби. Изучение этой проблемы привело меня к следующему заключению: организация МСС в Гоби еще более необходима, нежели в северной части страны, и вполне возможна. Нужна лишь небольшая подготовка и проведение ряда опытов. Вся работа в этом направлении представляется следующей: для начала следует использовать заросли дэрисуна в оазисах, путем скашивания их в молодом состоянии вручную. Весьма вероятно, что за лето дэрисун даст два, а может быть и три укоса. Густая поросль взрослого дэрисуна в Гоби дает около 6-ти тонн

сена с гектара. Поэтому уборка его в молодом состоянии, даже вручную, представляется вполне рентабельным предприятием. При норме в 1/4 гектара на одного рабочего в день и выходе сена в 3 тонны с гектара, один рабочий даст 750 кг сена в день, а впоследствии сможет довести это количество и до тонны.

Можно ли таким путем, хоть в какой-либо мере, помочь гобийскому скотоводству? Мне представляется это возможным. Возьмем для примера Ноян сумун Южно-Гобийского аймага, насчитывающий около 400 хозяйств. Для того, чтобы обеспечить каждое хозяйство тонной сена (что уже будет большим шагом вперед), потребуется около 500 человеко-дней на косьбу и значительно меньше на уборку. Можно считать, что 20 рабочих в течение одного месяца могут дать сумуну указанное обеспечение и что для этого потребуется около 130 га дэрисунной заросли при одном укосе и вдвое меньше – при двух. Такую площадь дэрисуна оазисы указанного сумуна дать, безусловно, могут. По своему качеству дэрисун можно отнести к средним кормам. Его едят все виды гобийского скота, включая мелкий. Стоимость дэрисунного сена, при уборке вручную, не будет превышать стоимости сена в северной части страны.

Однако, такое использование дэрисунных зарослей еще не решает поставленной проблемы во всем ее объеме. Одновременно с организацией скашивания на сено дэрисуна, необходимо приступить к работе по улучшению оазисных площадей. Здесь в основном нужны два мероприятия: уничтожение кочек и бугров и посев годных под покос трав, ассортимент которых можно подобрать в тех же оазисах. Предпочтительны виды, пользующиеся подобно дэрисуну подпочвенной влагой и потому не страдающие от засух. Удачное разрешение проблемы улучшения оазисных площадей обещает в будущем развитие в Гоби сети сенокосных угодий, не зависящих от засух. Важность развития такой сети не подлежит сомнению. Кроме того, такое улучшение позволит постепенно перейти от ручной уборки сена к использованию сенокосных и сеноуборочных машин.

Говоря об организации сенокосения в Гоби, полезно затронуть для дальнейшего широкого обсуждения еще некоторые проблемы, касающиеся переделки гобийской полупустыни.

Дождевая вода летних ливней в гобийских горах не успевает вся впитаться в землю и скатывается в ущелья, образуя временные потоки, иногда довольно большой мощности и силы, текущие по промытым ими за сотни лет руслам вниз, на равнину. При большом количестве воды, потоки эти достигают дна замкнутых понижений в междугорных долинах и равнинах и образуют там временные озера. Для пастбищных площадей такая вода пропадает без всякой пользы, в то время как, ее можно было

бы употребить для орошения этих площадей в нужный момент. Для этого воду дождевых потоков следует магазинировать в ущельях, путем устройства в их устьях плотин с последующим выводом этой воды на подгорные пастбищные площади. В силу рельефа гобийской окраины страны, где горные хребты и скопления скалистых холмов встречаются очень часто, это мероприятие может иметь огромную будущность. Затраты будут невелики, т.к. устья ущелий большей частью нешироки и для подобных плотин можно использовать местный материал – камни и глину.

Кроме того, следует подумать и об орошении хотя бы небольших площадей водой имеющихся в Гоби ключей. В этом отношении интересны некоторые гобийские районы Цзабханского аймага, где вода ключей используется для поливки пашен. Этот старый опыт было бы неплохо распространить в рационализированном виде на Южную и Восточную Гоби. Многие ключи нуждаются в небольших каптажных работах, которые значительно увеличат расход воды в этих ключах.

Наконец, необходимо провести опыты по изменению состава пастбищных трав, вводя в него засухоустойчивые кормовые растения с развитой корневой системой. Помимо пастбищных растений, было бы полезно обратить внимание на растущие в Гоби древесные виды (разнолистный тополь, гобийский ильм, чжигда) для культивации их в подходящих местах.

Комбинация всех перечисленных мероприятий – освоение под сенокосы гобийских оазисов, магазинирование дождевой воды для полива пастбищных и земледельческих участков, использование для той же цели ключей и изменение в указанную сторону состава пастбищных растений – обещает полную переделку экономики гобийской окраины МНР, зависящей на сегодня исключительно от стихии.

Летом текущего 1938 года Ученый Комитет МНР предполагает провести небольшие опыты по некоторым из вышеуказанных мероприятий.